

Консервативная революция как молодость в вечности

С.В. Дерин, эксперт по геополитике

Когда я впервые столкнулся с такими идейными течениями, как, например, традиционализм Рене Генона, они еще сохраняли некий ореол запретности. Книги самого Генона, которые я читал, и тех авторов, которые его распространяли, только начинали тогда издаваться в России. Когда я пытался достать книги Генона через своих знакомых, которые ездили во Францию, то выяснилось, что там его даже не знают. В России в книжных магазинах знают, кто такой Генон, а в Париже — нет.

Здесь был поднят вопрос о традиционализме и модернизме, о том, как это можно совместить. Генон и Гегель — это настолько противоречащие друг другу люди, что если бы они были живы и присутствовали здесь, то они оказались бы главными противниками. Был поднят также вопрос о противоречии между мифом и методологией. Мне кажется, что здесь надо видеть зазор между традицией и традиционализмом. Генон — это традиционализм, а не традиция. Традиция — это богослов Максим Исповедник, маг Гермес Трисмегист, поэт Эгиль Скаллаgrimссон. А традиционализм — это формулирование традиционной (совершенно чуждой современному миру) рациональности, это философская система с определенной, отличной от конвенционального мышления логикой.

Генона по своей методологии сравнивают с Марксом — еще более противоположной фигурой. Маркс — это тот человек, который полностью перевернул мировоззрение и

предложил совершенно новую, свою систему мышления и взгляда на мир. Генон более радикален в этом смысле, он пересматривает не то что экономические основы мира, а всю систему мышления человечества вообще, ниспровергает ее, говоря, что вся современная мысль и то, в каких категориях человечество мыслит, действует и развивается, — это все полная ложь, иллюзия и т. д.

Я не хотел бы противопоставлять миф и рассудок, потому что если мы проанализируем различия не между традицией и модернизмом, а между традиционализмом и модернизмом, то увидим традиционализм как отстраненный и рассудочный взгляд на традицию, который позволяет, например, анализировать и сравнивать, находить похожие вещи между, скажем, православием и исламом. С точки зрения традиционализма, мы можем найти в них сходство и поле для диалога. Если же смотрим с точки зрения традиции, то между православием и исламом в их глубинных религиозных аспектах никакого диалога быть не может. Или между православием и язычеством, или различными ветвями буддизма, например. Там нет никакой точки соприкосновения. В самых фундаментальных вопросах они всегда противоречат друг другу. А вот с точки зрения традиционализма, который выявляет эти традиции, как бы берет отдельно традиции, отдельно модернизм, тут мы уже находим, в чем их общность. Например, Эвола писал — и, наверное, это близко к тематике доклада — о взаимодействии традиционализма и модерна. У него есть книга «Оседлать тигра». Мне кажется, это очень интересная модель, когда современный мир, модернизм, берется как зло; но поскольку он берется как объективное (хоть и досадное) развитие человечества, то традиция как бы подстраивается технически и операционно. Берется язык традиции, дискурс современного мира, отрицающий эту традицию и определенные технические аспекты, которые позволяют традиции самоутверждаться заново уже в современном меняющемся мире. Откуда появились такие специфические политические

идеологии, несмотря на их демонизацию, их определенные перегибы, — как национал-социализм, итальянский фашизм, консервативная революция.

Сегодня была произнесена очень интересная фраза: «кто не был в молодости революционером, тот подонок, кто в зрелости не стал консерватором, тот дурак». Но ведь есть понятие «консервативная революция»! Здесь одно с другим совмещено.

Кстати, я не хотел бы воспринимать традицию как передачу *чего-то* из поколения в поколение. Традиция в религиозных системах — это не горизонтальная передача во времени, а передача сверху вниз, и в этом отношении этимологически полностью означает «религио», т. е. связь. Это именно связь между разными уровнями реальности. Можно ли традицию примирить с модерном в социально-политическом устройстве? Если смотреть на мир рационально, то нет, это невозможно в принципе. Но иное дело, если мы смотрим на мир именно с традиционной точки зрения, предполагающей разные уровни реальности, на которых рассудочное познание мира — кантовское — является только самым низшим. Сам Кант это признавал в «Критике чистого разума». Он говорил, что разум познает то, что лежит в основе, он «познает» феномен, но не ноумен. Если мы смотрим на материальную реальность — это совершенно логично. Почему? Потому что рассудок — это головной мозг, это химические процессы, наряду с другими химическими процессами в мире. В этом отношении они, естественно, уравнены с чем угодно другим в этом мире. А в религиозном смысле ум — это познание сразу основы, т. е. не познание от частного к общему и выведение каких-то общих законов, а познание сразу истины в высшей инстанции, как религиозный опыт, и далее применение ее ко всему, что находится в мире. Почему в древности существовало такое понятие как мудрец? Мудрец — это человек, который на самом деле не знает ничего конкретного. Но он знает все сразу. Когда ему задают какой-то вопрос, он отвечает

что-то невразумительное, слишком общее, выражая общие принципы этого мира.

И еще о традиции хотелось бы сказать. Традицию нельзя понимать как то, что передается из предыдущих поколений. Мы говорим о традиции в том смысле, как ее понимал Генон, и о традиционализме как учении Генона и связанных с ним людей типа Шуона, Буркхардта — на Западе или Головина, Дугина — в России и т. д. Мы говорим о традиции именно как о передаче из других уровней реальности. Когда человек или древо мира являлись священными символами в религиозном мире, это означало что токи реальности идут между небом и землей, от корней к кроне бегают белки Ротатоск по стволу дерева Иггдрасиля и передает перепалку от дракона Нидхегга, который гложет корни Мирового древа, к орлам, живущим в кронах на небесах. Т.е. это передача именно между разными уровнями реальности, в то время как модерн смотрит на мир только как на узкую реальность, в плоскостном смысле, как на материальный мир. Но это модерн, как мне представляется, в идеальном смысле, отрицающий традицию, отрицающий инициацию в первую очередь.

Традиция во главу угла ставит инициацию, т. е. посвящение человека (это зависит от его социальной роли: кто он — воин, жрец, кем он рождается). Человек изначально рождается и существует неопределенно долго совершенно бессмысленно, если этой инициации, т. е. введения в другие сферы реальности, не происходит. Он рассматривается, таким образом, как слепой котенок, который тычется со своим рассудком, ничего не понимая на самом деле. Традиционные религии рассматривают весь современный мир как какую-то хаотическую реальность. Поэтому социально-политические доктрины, которые пытались объединить традиционализм и модерн и осуществить консервативную революцию с правой политикой, левой экономикой, т. е. национал-большевизм 1920–1930-х гг., национал-социализм и ранний коммунизм — они предлагали идею нового человека. Фактически

совершенно религиозную идею. Внешне этот человек такой же, как другие люди, но на самом деле он существует, грубо говоря, уже в вечности. И они примиряют вечность со временем так, что вечность ставят, разумеется, над временем, а время видят как конкретное воплощение вечных принципов. Во всяком случае, в теории это так.

